

Социология спорта

Телесные практики субъективации и самоинсценировки¹

Кто гуляет сегодня по большому городу, может увидеть многое, чего еще не было в 1960-е годы: джоггер в спортивной эксгибиционистской одежде, упрямо наматывающий свои километры; инлайнер, исполняющий виртуозный слалом вокруг пешеходов; грохочущий по лестничным ступеням скейтбордер; мягко жужжащий мимо байкер; или люди всех возрастов, которые за стеклянными фасадами фитнес-школ трудятся на беговых дорожках.

В центре этих новаций стоит тело со своими практиками и формами показа. До 40-х годов еще было не много поводов показывать тело на публике, тем более устраивать для этого специальные шоу. Телесное находило свое место не в публичном пространстве, а за стенами приватного жизненного мира или в специально выделенных городских местах — спортзалах и танцклубах. Сегодня, напротив, тело участвует в демонстрационных играх, рассчитанных на изменение его формы и образа в соответствии с жизнью большого города и сексуальной привлекательностью. Элементы спорта все больше влияют на различные стили жизни и проникают во все сферы общества.

Тот факт, что посредством стиля одежды и жестов вырабатывается собственный образ человека и образ мира, не нов. Тем не менее, кажется, что сегодня сопряжение между телесным и социальным зашло особенно далеко. Образцы движений и манера держаться, отшлифованные в процессе социализации и воспитания, сегодня формируются и преобразуются посредством систематических тренировок. При этом в центре различных и наиболее распространенных техник моделирования личности, от питания до пластической хирургии, выступает образ спортивного тела. Он более важен, чем вся модная элегантность, которая его сопровождает. Только выставленный на показ этот образ демонстрирует свою форму и говорит про образ жизни личности, включая диету, здоровый дух, самодисциплину и волю к действию. И наоборот, неумение держать свое тело под (визуально достоверным) контролем рассматривается как нечто неподобающее, вызывает недоверие к такому человеку, наконец, подозрение в его никчемности.

¹ * Мы переводим *Subjektivierung* по контексту чаще как «формирование личности», не оговаривая это приведением в скобках немецкого термина. — *Прим. перев.*

Арена отличий

Оформление собственного тела является частью «образовательной работы» (Бодрийяр), которую производят над собой действующие лица. Посредством этой работы они придают себе узнаваемую социальную форму. Способы формирования собственной внешности не возникают в пустоте, они всегда встроены в определенное общество. Подобно тому, как социология музыки упускает свой предмет, когда занимается только такими внешними условиями музыкального производства как доход музыканта, его роль и рабочая обстановка, — а не самой практикой музицирования, т. е. не тем, как действительно делается музыка, — так же и социология, которая интересуется телом и спортом не достигнет своей цели, если она не станет выявлять в самих формах телесных практик их социальный смысл. Ибо в многообразии спортивной жизни проявляются социально-различные вкусы, ценности, образы мышления и представления о самих себе мужчин и женщин из разных социальных слоев. Все эти различия являются частью общественной репрезентативной работы, посредством которой чувственно-телесное становится опознаваемым в своем инобытии, показывая себя специфическим образом: репрезентируемое не существует без этой репрезентативной работы.

Из эмпирико-теоретических исследований, проведенных в рамках специальной берлинской программы «Культуры перформативного», и опубликованных под общим заголовком «Проявление общества в игре», мы знаем, что между спортсменами таких совершенно различных видов спорта как гандбол, триатлон и роликовый хоккей нет никаких существенных социальных различий. Хотя эти виды спорта предполагают совершенно различные трактовки спорта и стили жизни, все спортсмены здесь происходят из средних, социально наиболее активных слоев. Здесь большую роль играет стремление отличиться, и спортсмены стремятся к постоянной переделке своего стиля жизни и «обновлению» своей социальной идентичности. Хотя спортсмены занимают примерно одинаковое социальное положение, это не мешает им использовать часто противоположную культурную символику. Например, такой традиционный вид спорта как гандбол имеет свои закрытые от внешнего мира спортивные площадки или помещения, где гандболом занимаются семейные группы. Установленное время тренировок и соревнований придают будничной жизни ритмичную структуру; ритуалы воскрешают дух коллектива; правила должны быть зафиксированы письменно, формы движения кодифицированы; и все эти организационные рамки служат своего рода фиксирующим корсетом для того, чтобы держать себя в форме. Для тех, кто предпочитает традиционный спорт, важны традиции и постоянство. Проникновение новаций, эстетское самовыражение и выпячивание индивидуальности с использованием для этого тела как товарного знака, большинством воспринимается как нечто неуместное и показное.

Совершенно иную картину дают исследования относительно триатлонистов: в своем спорте они удовлетворяют потребность отграничить себя от нижнего слоя общества, который для них воплощен в футболисте, этой «толстой посредственности пролетарского происхождения», — и они ищут что-то новое, особенное, исключительное. Триатлон им служит именно для этого. С точки зрения классического понимания спорта, он «противоестественен», поскольку составлен из трех несовместимых для одного и того же спортсмена дисциплин по требова-

ниям к физической выносливости и моторике. Триатлон предлагает спортсменам за счет интенсивных физических усилий реализовать свои стремления к исключительности в сфере спортивной культуры, без подлинной работы на благо общества. Экстремальная практика служит обретению необычного опыта, который изменяет атлетов. Триатлонист формирует себя как незаурядную личность. Это предполагает высокую инвестицию в свою страсть, требует безжалостной твердости в отношении самого себя, постоянной борьбы против слабостей и прихотей собственного тела. В мире триатлона недопустимы праздность или лишний вес. Многие триатлонисты говорят о собственном теле как о машине, которая должна по возможности беспрепятственно превращать энергию в результат. Для этого тело требует постоянного контроля, заботливого внимания и интенсивного ухода. Здесь жесткий менеджмент времени, изнурительные тренировки и аскетический образ жизни позволяют совершенствовать свою личность.

Формирование субъекта и индивидуальности как результаты техник собственного тела

Пример триатлона показывает некоторые типичные тенденции новейших, «постконвенциональных» спортивных игр, которые возникли в последние десятилетия как раз вне отграниченных спортивных помещений и институализированных рамок классической фабрики спорта. Триатлонисты занимают нишу «современных перформеров» в авангардной культуре (согласно данным Sinus Sociovision 2002 г.)², характерной для средних социальных слоев, которые экспериментируют с разными возможностями личной самореализации, стилизации и инсценировки, что на их взгляд позволяет им лидировать в публичном пространстве. В этих новых исторических условиях именно тело становится главным объектом формирования личности. Бешено растущий рынок с широким ассортиментом телесных образов, популярных мифологий и советчиков реагирует на растущие запросы и способствует со своей стороны росту соответствующей продукции. Спортсмены из этого ассортимента могут выбирать товар по своим социальным предпочтениям, создавая по собственной режиссуре тот или иной узнаваемый телесный облик, придавая своей жизни определенный стиль. Стилистический ансамбль из кодов одежды, татуировок, наколок, модной атрибутики, жестов и формы тела, привлекает внимание и призван выражать социальную принадлежность личности и ее жизненную позицию. Социальное позиционирование и выражение внутренних установок — все это начинает создаваться из обнаженного тела и простирается до одежды и таких модных аксессуаров, как солнечные очки, каски, заклепки, а также современная техника (мотоциклы, роликовые коньки), — и все это выступает своеобразным продолжением тела. Эта одежда, модная атрибутика не покрывают тело, но привлекают к нему внимание, дают проявиться его форме и подчеркивают мускулатуру. Они возвеличивают личность и расширяют ее рамки. Так искусственно расширенное тело становится пожалуй самой важной частью личности: оно выступает ее видимой социальной формой.

² Sinus Sociovision — Название института в Гейдельберге, который занимается изучением жизненного мира современного общества.

Эта форма непостоянна. Ясно выраженные поиски телесных техник, посредством которых актеры могут создавать и практиковать новые телесные жесты, дистанцирующие от всего привычного, переработка исторически сложившихся образцов жизни, — все это можно наблюдать прежде всего на том полюсе культуры, которая характерна для мелкой буржуазии. Вершину этого айсберга составляют так называемые экстремальные виды спорта, которые с некоторого времени с таким триумфом впечатляют общество. В своем сценического вида постановочном характере они демонстрируют желание разрушить границы обыденного, показывать себя без обыкновенных защитных средств и ожидаемых требований соблюдать нормы, противопоставляя этому собственные нормы. Личный риск и испытание себя в сравнительно опасных движениях катания, скольжения, прыжков, парений в воздухе и полетов — суть предпосылка для (ре) конструкции «нормального», проявляющегося затем в телесных жестах и стилях: формирование себя начинается с отбрасывания того, что уже было осуществлено. Это переход тела в своего рода новое социальное агрегатное состояние: в таком переходе тело уже не кажется твердой и инертной материей, которая гарантирует устойчивость во времени, не есть некий неподвижный, заключенный в броню бастион, — но выступает как пластичная и формируемая масса.

Формируемая в таких практиках личность понимается не как заданная субстанция, но как продукт искусственно-технической конструкции, т. е. как форма, которая может быть произведена и изменена посредством перформативной практики. Благодаря этой практике личность не выражает себя, она скорее возникает в ней: она создает себя сама, формирует и делает себя явной и идентифицируемой для других.

Разумеется, от понятия «нормального» нельзя отказываться полностью; оно остается как бы прилипшим к личности и пронизывает ее тело даже тогда, когда личность экспериментирует над собой и движется как на сцене. Кроме того, всякий телесный перформанс неотделим от пола представляемого тела. Спорт является выделенной сферой осуществления культурных образов мужского и женского начал и вместе с тем идеальным случаем для их критического анализа. Особенностью использования тела во многих новых видах спорта является то, что здесь подвергается испытанию и традиционное представление о поле: спортивные практики предполагают моделирование феноменов мужского и женского. При этом женское тело становится видимым, помещается в пространство общественной репрезентации, например, за счет возрастания значения женского атлетизма, которое с позиций традиционных представлений о женщине и спорте означает маскулинизацию женского начала. И наоборот, можно наблюдать консервацию или замедление инсценировок мужского начала, чья (эстетическая или эротическая) значимость измеряется теперь по тому, сколько сил затрачено на собственное тело, с какими рисками это связано, и не боится ли мужчина повредить нос или иметь какой-либо шрам.

Новый пластичный дух капитализма

Если мы исходим из того, что телесно ориентированные практики и игры служат индикатором изменений структуры общества, то такие микрологические практики, в результате которых образы тела и личности пластично меняют-

ся под меняющиеся требования общества, следует рассматривать в контексте трудно определимого понятия «самоуправления», которое присвоила себе неолиберальная идеология. Это понятие, некогда употребленное Марксом, и нагруженное опытом Парижской Коммуны («самоуправление производителей») стоит сегодня в центре идеологии «предпринимательской личности», которая должна действовать, сообразуясь с обстоятельствами, гибко, стремиться к инновациям, не нуждаясь во внешних указаниях. Такая идеология и содержит риторику практики самоуправления, говоря о конце эпохи единообразия общественной жизни. Однако такая пластичность на деле парадоксальным образом обеспечивает творческое единообразие личностных инициатив, где все действующие лица, сознавая себя автономными личностями, управляют собой так, чтобы соответствовать господствующим требованиям.

Говоря резче: если во времена создания спортзалов, фабрик и контор формируемое и дисциплинируемое тело рассматривалось как идеальный субъект фордизма³, в фитнесе и других новых гибких видах спорта попкультуры парадигмально воплотился дух некоего нового «пластичного» капитализма. Подобно «совокупному жесту» (Gesamtgestus) Бертольда Брехта, эти виды спорта воплощают «облик эпохи» (Брехт) в некоем физическом образе, учреждая в свободной атмосфере игры господствующие социальные формы тела, личности и субъективности.

Вместе с новым определением роли государства, где административная политика регулирования индивидуального поведения (например, кампании против курения или «избыточного веса» в политике здравоохранения) занимает в общенациональном масштабе все большее место; люди, ощущая себя в большей зависимости от заработной платы, в столкновении с требованиями меняющегося общества вынуждены постоянно и «автономно» формировать в себе и предлагать новые способности, подобно тому, как это происходит в фитнесе. Способность к самоуправлению определяет востребованность человека и удостоверяет себя по тому, как человек относится к собственному телу. Здесь, очевидно, различие проходит между теми, кто «способен заниматься чем-либо» и теми, чьи трудовые возможности не пользуются большим спросом; а политики управляют поведением так, чтобы те, кто предположительно ведут нездоровый образ жизни соответственно выделялись бы своим физическим обликом как наглядным подтверждением наличия или отсутствия таких добродетелей, как самодисциплина или сознательная ответственность. Поскольку принадлежность к тому или иному общественному слою оказывает решающее влияние на отношение к собственному телу, и тем самым на образ жизни, то нужно опасаться, чтобы за политикой здравоохранения классовый вопрос снова не свелся к морали. В логике политиков такие вещи, как здоровье, образ жизни, и телесный облик, переводятся в сферу индивидуальной ответственности человека; и если кто-либо отличается по стилю жизни или физическому облику от моделей, принятых в господствующих классовых фракциях, — тот может подвергнуться моральному осуждению или экономическим штрафам.

³ Фордизм — понятие, введенное в неомарксизме, как характеристика жесткой и единообразной организации труда, в соответствии с моделью индустрии Генри Форда. — *Прим. перев.*

Перспективы исследования

Спортивные практики являются показательным примером социокультурных форм формирования личности. В этих практиках участники разрабатывают определенные, различные — в зависимости от среды или пола — иногда совершенно новые отношения к самим себе. Они могут преодолевать себя, достигать уверенности в том, кто и соответственно как они есть, наконец, могут созавать собственный эксперимент над собой. И поскольку на их примере можно отчетливо наблюдать, как люди делают себя предметом формирования, как они придают форму своему телу, делая ставку на игру, пробуя новые формы, — они выступают весьма подходящим предметом исследования практик выработки личности.

Лоик Вакан в своей работе «Жизнь для ринга» (2001) на основе социальной теории Пьера Бурдьё, дал пример своего рода автоэтнографического описания, пластично реконструируя то, как в полисенсорном пространстве гимнастического бокса в сериях тренировочных боев постепенно формируется облик боксера. В центре его описаний стоят всесторонние физические и психические изменения, которые он испытал сам в результате тренировок и боев: изменения в ощущениях боли и рефlekсах, выработке способности к боксерскому зрению и т. д. При этом Вакан стремится уловить особый предмет: специфическую логику бокса, которая открывается поверх логики повседневной практики.

В исследованиях, которые мы начали и продолжим в будущем, мы хотим использовать программу Вакана в методологической перспективе. Исходя из того, что формирование личности в ходе тренировочного процесса, вместе со шлифовкой телесной осанки, жестов и мастерства, создает внутренние формы и стили восприятия, познания, мышления и суждения, — наш анализ спорта мы должны распространить на иные сферы общественной жизни, где так же имеют место практики формирования личности и создания образов, — с тем, чтобы и в этих практиках выявить роль телесности. Первые описания такого рода уже были представлены на различных социологических конференциях. Нужно отметить педагогические исследования Ольденбургской школы, где особое место занимают особенности разучивания телесных практик, жестов и физической подготовки в рамках обычной школы в качестве составной части формирования в школьном микрокосме отношения к миру, ценностям и усвоения практических схем.

Парадоксальная задача таких описаний состоит в том, чтобы «выразить в языке нечто, что само языком не является» (Стефан Хиршауэр). В той мере, в какой это удается, создаются предпосылки к тому, чтобы процессы усвоения социального поведения стали сознательным выбором, в том числе и альтернативным по отношению к господствующим практикам формирования личности, за счет рефлексии самостоятельного опыта участия в сложных связях между своими и чужими технологиями.

Перевод с немецкого Владимира Калининко